

УДК 821.161.1

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.12

М.А. Аверина

Автобиографическая проза К.В. Назарьевой: между реальностью и мифом

В статье исследуются наиболее крупные автобиографические произведения известной в XIX в., а ныне забытой писательницы К.В. Назарьевой. Эти сочинения, а также сохранившиеся архивные материалы, связанные с ее службой и семейной жизнью, рассматриваются в работе в соотнесенности с ее реальной биографией. Выявляются аспекты сознательной мифологизации Назарьевой жизненного пути своей автобиографической героини.

Ключевые слова: автобиографизм; женская литература; дамский роман; биография; мифологизация.

Конец XIX – начало XX в. в России — время становления и расцвета женской литературы. Помимо «шаблонности описаний и отсутствия психологизма» [5], сентиментальности, назидательности и идеализма, этой прозе в большинстве своем присущ автобиографизм [7, с. 42]. Отчасти так происходит потому, что причиной писательской деятельности для многих женщин того времени становится потребность публично изложить свою личную жизнь, вызвать сочувствие к своей «незаурядной» судьбе. О том, что подобная ситуация была типична для литературы, свидетельствуют слова редактора одной из самых известных беллетристок конца XIX в., чьими романами зачитывалась вся провинциальная Россия, — Капитолины Валерьяновны Назарьевой (1847–1900). Эти слова писательница приводит в своих воспоминаниях: «Ваша первая вещь? Из своей жизни, конечно? Да, видно, что всё это пережитое» [3, с. 110]. Не противоречит вышеприведенному суждению и высказывание критика — современника писательницы: «...никого серьезного призвания не ищите в их произведениях, а ищите какой-нибудь жизненной случайности, которая заставила их заняться литературой» [10, с. 25]. Нужно признать, что к писательскому труду Назарьеву подтолкнула не только потребность зарабатывать деньги «ради необходимости... обеспечивающей существование четверых детей» [3, с. 110], но и потребность «женщины, выступающей на дело публичной проповеди» [8, с. 2].

Действительно, первый ее роман «Специалист», опубликованный в «Вестнике Европы» в 1878 г., как по свидетельству самой писательницы [4, с. 110],

так и по воспоминаниям ее близких друзей и современников [6; 8, с. 2], был написан на материале собственного бракоразводного процесса [1]¹. Этот роман, более близкий к жанру повести, по замыслу Назарьевой, закладывает тему творчества и характеризует ее писательский почерк. В центре любого произведения Назарьевой всегда несчастная, благородная женская судьба (проекция на судьбу писательницы), которая под гнетом обстоятельств, социального неравенства и отсутствия у людей «нравственного» (любимое слово писательницы) чувства, жертвенно и стойко сражается с обстоятельствами. При этом портреты тех, кто причиняет «благородной женщине» боль и страдания, до карикатурности отвратительны. В «Специалисте» это юрист-стряпчий, который берется «устроить» за большие деньги бракоразводное дело. Сама же героиня, как и ее собственные «лики», «маски», «отражения», т. е. второстепенные женские персонажи, оказывается порядочной, кроткой, работающей, наделенной всеми мыслимыми «нравственными» качествами. Подобная характерологическая схема актуальна как для «Специалиста», так и для других сочинений Назарьевой.

В настоящее время более или менее достоверными свидетельствами о подлинной биографии писательницы являются ее личные «Воспоминания» и биографический очерк, который был размещен в «Театральном мирке» [9, с. 1–2]. Однако нельзя при этом не учитывать того факта, что Назарьева сознательно творила миф о собственной жизни, трансформируя некоторые моменты своей реальной биографии. Этому способствовали два обстоятельства: во-первых, приехав в Петербург после бракоразводного процесса, происходившего на Урале, она словно «обнулила» значительную часть своей жизни и начала ее заново, как бы с чистого листа. Во-вторых, она вела достаточно закрытый образ жизни. Сначала — по причине сильнейшей материальной необеспеченности, а затем — в силу весьма специфического отношения общества к женщине-«разводке» [2, с. 39], на что Назарьева неоднократно жаловалась в своих произведениях, называя это «фальшью человеческих отношений» и «условностями общества» [8, с. 2]. Так, из романа «Надорванные силы» мы узнаем, что она какое-то время прятала своих внебрачных детей от досужих глаз, живя с ними в разных местах, оставляя их с нянями и объясняя это потребностью в их оздоровлении. Из того же романа проступают черты ее прошлого в виде упоминаний о «злой» тетке [2], у которой она воспитывалась, освободиться от нее можно было только с помощью замужества. Мотив был один: вырваться из «косной среды», где ей «духовно» было «узко и тесно» [2, с. 39]. Из рассказа «Сокровище» (как и из романа «Надорванные силы») узнаем, что отцами ее детей были люди состоятельные, «с положением», как правило, женатые и в дальнейшем не интересовавшиеся ни ее судьбой, ни судьбой внебрачных детей.

Сознательная мифологизация Назарьевой своей жизни в литературных текстах превращала ее произведения в единый роман о ней самой. Этот авто-

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Дело 466. Ед. хр. 4.

биографический «сюжет» дополняется некоторыми фактами из ее переписки. Тщательно изучив ее, мы пришли к выводу, что объективной картины жизни писательницы, мы, вероятно, не узнаем никогда. Сами же «Воспоминания» следует считать, скорее, еще одним из ее «сочинений» на автобиографическую тему, ибо в них, как и в «Специалисте», не только хронологически смещены события, но и полностью опущены (или сильно трансформированы) подлинные мотивировки поступков писательницы. Причем чем менее «нравственен» поступок или обстоятельство, тем большему умолчанию или мифологизации они подвергаются. Например, даже при наличии архивных материалов «Дела о дворянстве» нет оснований утверждать, что Назарьева по рождению принадлежала к «избранному сословию», поскольку в деле все направлено как раз на подтверждение ее дворянских прав, которые писательнице пришлось доказывать (возможно, при зачислении старшего сына в полк)². Из «Специалиста», как и из «Воспоминаний», невозможно установить подлинных причин ее развода, сообщается лишь, что ее семейная жизнь была «ужасна» (хотя биография ее мужа В.Н. Назарьева свидетельствует о том, что он был видным публицистом и общественным деятелем). Остается только гадать, был ли «Специалист» Назарьевой «оправдательным документом» ее реальной измены мужу или «ужасный» «специалист-стряпчий» заставил ее развестись под предлогом мнимого адюльтера (этот факт многократно подчеркивается писательницей). Возможно, измена — беллетристический сюжетный ход, не имеющий никакого отношения к действительности. Однако все, что касается детей Назарьевой (все были внебрачными), а также сведений о ее «сильной болезни», из-за которой та порой теряла работу (так было с рождением первого ребенка), говорит о ее свободных взглядах и характеризует как активную сторонницу эмансипации. Назарьева «творила» собственную жизнь, как будто сочиняла роман, и наоборот.

С уверенностью можно утверждать, что, о чем бы Назарьева ни писала в дальнейшем, а темы ее романов — это «вопросы нравственности, вопросы о браке и семье, об условной морали, о формализме человеческих отношений, о лицемерии века, об отцах и детях...» [8, с. 2], она всегда сочиняла одну и ту же идеализированную книгу собственной жизни. Данное утверждение укрепляет критик-современник Назарьевой, который, делая обзор творчества женщин-писательниц, указал на то, что «чаще всего *сама жизнь* (здесь и далее курсив наш. — М. А.) наталкивает их на литературный труд; она чувствует потребность высказать, излить свое горе или радость в объективной сфере беллетристического произведения, и изливает его чаще всего с значительной долей лиризма» [10, с. 24].

Складывается впечатление, что литературное творчество использовалось автором для своеобразной компенсации неудовлетворенности жизнью, которая реализуется тремя способами: в откровенной жалобе на существующую

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Дело 1358. Ед. хр. 2.

реальность (с подсознательным желанием вызвать сочувствие читателя), путем «гневно-го обличения <...> социальных язв» общества либо с помощью *мифологизации*, или приукрашивания реальных событий, в том числе своих поступков. Героини Назарьевой, как правило, настаивают на праве «свободной любви», очищенной от каких-либо «условностей жизни»: «Все умственные, духовные их интересы сосредотачиваются на одной лишь любви, рассматриваемой только лишь с точки чисто личного чувства» [10, с. 32]. Но как ни старается автор облагородить такие отношения, «любовь» предстает в литературном тексте лишь «как слепое бессознательное стремление двух полов друг к другу» [10, с. 32]. За рамками внимания сочинителя остается главное: «те результаты, которые она <любовь> вносит в жизнь общества, обнаруживаясь в тех или иных формах» [10, с. 24]. По сути, Назарьева на протяжении всей своей «романной» литературной жизни занималась своеобразным «самообманом». Поэтому она снимала с себя ответственность за «свободные», очищенные от «семейных условностей и фальши» отношения, переводя себя или свою героиню в категорию «нравственной жертвы», а мужчину — в «бездуховного соблазителя» [2, с. 73]. Это привлекало к ее сочинениям простых читателей и особенно читательниц.

Критики видели в подобной мифологизации, которая отличала художественную манеру Назарьевой и многих ее коллег по цеху, свидетельство дурновкусия и отсутствие серьезного образования. В.В. Чуйко отмечал: «Она не была ни на педагогических курсах, ни на бестужевских, не получила высшего образования ни в России, ни за границей»³ [10, с. 27]; «читая внимательно произведения современных женщин-писательниц, прежде всего... поражаясь тому, как ничтожен, мизерно узок крошечный кругозор, которым они обладают» [10, с. 32]. Критик задавался справедливым вопросом: «Неужели современная русская жизнь так безнадежно бессодержательна, скучна, что не может дать хотя бы скудного содержания роману?» [10, с. 33]. Разделял эту точку зрения и А.П. Чехов, который утверждал, что «буржуазия очень любит так называемые “положительные” типы и романы с благополучными концами, так как они успокаивают ее на мысли, что можно капитал наживать, невинность соблюдать, быть зверем и в то же время — счастливым» [4, с. 54]. Если в этом высказывании понимать под «буржуазией» не только своеобразный тип обывательского мышления, который активно навязывался читателю во второй половине XIX в. посредством распространения массовой литературы, но и самого автора такого произведения, то становится очевидным подлинный смысл высказывания великого писателя. Иначе говоря, нарождающийся в этот период русской истории обыватель, к которому можно отнести и самого сочинителя, нуждался в некоем оправдании и понимании. Получая из подобной литературной продукции «искусственные», мифологи-

³ Вероятно, это было личное суждение критика, предполагавшего, что у Назарьевой не было образования.

зированной мотивы своих поступков, он утверждался в праве на подобную жизнь. По отношению к обывателю массовая литература исполняла роль своеобразного эстетического хлеба, потребляя который, он достигал личностной устойчивости бытия.

Библиографический список

Источники

1. РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Дело 1358. Ед. хр. 2; Ф. 796. Оп. 155. Дело 466. Ед. хр. 4.
2. Назарьева К.В. Надорванные силы: роман // Наблюдатель. 1893. № 8. С. 3–77.
3. Назарьева К.В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 109–115.
4. Чехов А.П. Письмо Суворину А.С., 13 апреля 1895 г. Мелихово // Чехов А.П. Полн. собр. писем: в 12 т. М.: Наука, 1978. Т. 6. С. 54.

Литература

5. Амфитеатров А.В. Литературный альбом // Россия. 1900. 16 декабря.
6. Быков П.В. Некролог // Биржевые ведомости. 1900. XII. № 342. С. 2.
7. Дубнякова О.А., Кашина Т.А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1. С. 42–49.
8. Измайлов А.А. Некролог // Биржевые ведомости. 1900. XII. № 342. С. 2.
9. К.В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1–2.
10. Чуйко В.В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 24–44.

References

Istochniki

1. RGIA. F. 1343. Op. 25. Delo 1358. Ed. xr. 2; F. 796. Op. 155. Delo 466. Ed. xr. 4.
2. Nazar'eva K.V. Nadorvanny'e sily': roman // Nablyudatel'. 1893. № 8. S. 3–77.
3. Nazar'eva K.V. Pervy'e shagi. Iz vospominanij pisatel'niczy'. (1872–1892 gg.) // Vestnik vsemirnoj istorii. 1900. № 9. S. 109–115.
4. Chexov A.P. Pis'mo Suvorinu A.S., 13 aprelya 1895 g. Melixovo // A.P. Chexov Poln. sobr. pisem: v 12 t. M.: Nauka, 1978. T. 6. S. 54.

Literatura

5. Amfiteatrov A.V. Literaturny'j al'bom // Rossiya. 1900. 16 dekabrya.
6. By'kov P.V. Nekrolog // Birzhevy'e vedomosti. 1900. XII. № 342. S. 2.
7. Dubnyakova O.A., Kashina T.A. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti lichnogo dnevnika // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoye obrazovanie. 2017. № 1. S. 42–49.
8. Izmajlov A.A. Nekrolog // Birzhevy'e vedomosti. 1900. XII. № 342. S. 2.
9. K.V. Nazar'eva (k portretu) // Teatral'ny'j mirok. 1892. № 13. S. 1–2.
10. Chujko V.V. Sovremenny'e zhenshhiny'-pisatel'niczy' (G-zha O. Shapir, M. Krestovskaya, K. Nazar'eva) // Nablyudatel'. 1889. № 4. S. 24–44.

M.A. Averina

K.V. Nazaryeva's Autobiographical Prose: Between Reality and Myth

The article examines K.V. Nazaryeva's key autobiographical works. The writer used to be popular in the XIX century. Nazaryeva's autobiographical works, as well as preserved archival materials related to her service and family life, are studied in relation to the real events of the writer's life. The study features Nazaryeva conscious in mythologising the life journey of her autobiographical heroine.

Keywords: autobiography; women's literature; lady novel; biography; mythologization.